

УДК 81.373.45

**СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЛАТИНИЗМОВ
ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ИСКУССТВО» ВО ФРАНЦУЗСКОМ И
РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

**SPECIFIC CHARACTER OF THE LATINISMS' SEMANTIC TRANSFORMATIONS
WITHIN THE FRAMEWORK OF THE LEXICO-THEMATIC FIELD «ART» IN THE
FRENCH AND THE RUSSIAN LANGUAGES**

**Ю.Е. Ломоносова, Т.Е. Соболева
Y.E. Lomonosova, T.E. Soboleva**

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: lomonosova@bsu.edu.ru; soboleva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье проводится анализ семантической деривации латинских существительных сферы «Искусство» в сопоставительном аспекте на примере французского и русского языков. Определяются закономерности семантических процессов и выявляются дифференциальные характеристики смыслового преобразования латинизмов в рассматриваемых языках.

Abstract

The article analyzes the problem of the semantic derivation of the Latin nouns within the framework of the field «Art» in a comparative aspect in the French and the Russian languages. The authors determine the mechanisms of the semantic processes and reveal the differential characteristics of the Latinisms' semantic transformations in the languages under consideration.

Ключевые слова: сопоставительная семасиология, заимствование, семантическая ассимиляция, диалексема, семантическая деривация, латинизм.

Keywords: comparative semasiology, adoption, semantic assimilation, dialexeme, semantic derivation, Latinism.

В условиях все возрастающего интереса к процессам языковой глобализации, воспринимаемым в современной лингвистике как достаточно сложная и динамичная научная проблема, изучение особенностей функционирования заимствований в иноязычной среде позволяет внести определенный вклад в решение вопроса о соотношении универсального и специфического в современных языковых системах. Понимание глобализации как формирования новой системы ценностей, ведущее к изменению отношения к языкам и самим языкам, к изменению лингвистической семантики и языковой картины мира, наталкивается на противоположную точку зрения, согласно которой каждому народу свойственно отстаивать свою историческую, культурную и, конечно, языковую самобытность и идентичность. Таким образом, изучение заимствований, на первый взгляд воспринимаемых как универсалии, дает возможность продемонстрировать, что внешнее сходство скрывает глубинные семантические процессы, отражающие национальные особенности мировосприятия и языкового сознания. Взаимодействие культур, в основе которого лежит практическая реализация общечеловеческих и духовных ценностей этнических слоев общества,

обусловлено социальными, политическими, экономическими контактами, находящими отражение в языке каждого народа. Языковая система – это не только результат внутреннего развития, но и плод сложного взаимодействия с другими языками, что можно рассматривать как основной источник всех процессов заимствования.

Являясь элементами чужой языковой среды, заимствования подвергаются различного рода преобразованиям после проникновения в язык-реципиент. Они изменяются в соответствии с фонетическими, лексическими и морфологическими закономерностями принимающей языковой системы. В результате заимствованные слова становятся неотъемлемой частью заимствующего языка, часто теряя свое иноязычное значение и приобретая ряд новых смысловых компонентов, не связанных со значениями оригинала.

В работах, посвященных исследованию межъязыковых контактов, принято уделять внимание анализу иноязычных слов с точки зрения их этимологии, момента проникновения в принимающий язык, установлению состава тематических и лексико-грамматических группировок, вариативности заимствований, их формальной и семантической ассимиляции. В рамках нашего исследования интерес представляет семантическая адаптация, которая подразумевает смысловую эволюцию заимствований в период их вхождения и дальнейшего функционирования в принимающем языке.

Объектом исследования являются существительные латинского происхождения, принадлежащие лексико-тематическому полю «Искусство», заимствованные русским и французским языками. В настоящей работе к латинизмам мы относим: 1) исконные латинские слова, проникшие в русский и французский языки непосредственно из латыни; 2) генетические латинизмы, образованные посредством латинских основ в языках-посредниках; 3) слова, являющиеся словообразовательными производными, возникшими в русском и французском языках, но восходящими к латинским корням [4. С. 7]. Помимо вышеперечисленных категорий лексем в поле нашего внимания оказались также некоторые слова греческого происхождения, в свое время ассимилированные латинским языком, и поэтому рассматриваемые нами также как заимствования из латыни. Такое широкое определение латинизмов объясняется тем, что все они аналогично проявляют себя в процессе семантической деривации и имеют очевидное сходство в текстовой реализации [4]. Выявление основных закономерностей и специфики семантического преобразования латинизмов в исследуемой паре современных языков составляет цель настоящей работы. Методика исследования носит комплексный характер. В качестве методов изучения заимствованных латинских существительных были выбраны: метод сплошной выборки, используемый в процессе поиска фактического материала для исследования; метод компонентного анализа словарных дефиниций, позволяющий определить семантику конститuentов изучаемого тематического поля; метод сопоставительного анализа, используемый при выявлении особенностей семантических преобразований в русском и французском языках. Материалом для работы послужили лингвистические энциклопедические словари, толковые и этимологические словари латинского, французского и русского языков.

Исследование проводится в рамках сопоставительной семасиологии, которую А. Гудавичюс определяет «как науку, изучающую лексические системы двух или более языков методом сопоставления их друг с другом» [6. С. 4]. Поскольку в нашей работе мы рассматриваем не просто значения лексических единиц латинского, французского и русского языков, а изменения, которые произошли в семантике латинизмов при их ассимиляции современными языками, нам представляется важным рассмотреть, как в рамках сопоставительной семасиологии понимается явление семантической деривации.

Как уже было упомянуто выше, словарный состав языка находится в процессе постоянного изменения, в котором активная роль принадлежит как различным способам словообразования, так и заимствованиям. При этом нельзя не учитывать, что обогащению

словаря способствует и преобразование значений слов уже существующих в языковой системе. Изменение смысловой структуры имеющихся слов приводит к появлению семантических дериватов [1]. При исследовании семантических дериватов необходимо принимать во внимание семантическую специфику языковых единиц, неразрывную связь семантических преобразований с общими языковыми законами и зависимость этих преобразований от тех процессов, которые возникают как в самом языке, так и в окружающей действительности [8. С. 54]. В рамках данного исследования вслед за М.В. Москалёвой семантическую деривацию мы будем определять как «вид вторичной номинации, состоящий в использовании фонетического облика (материальной оболочки) уже существующего слова в качестве имени для нового обозначаемого (нового фрагмента действительности)» [7. С. 28]. Процессы семантических преобразований могут проходить в нескольких направлениях, что позволяет выделить определенные типы трансформаций: метонимические и метафорические переносы, расширение и сужение лексического значения слова, гиперболу, иронию и т.д.

Языковые и культурные контакты между представителями самых разных этнических сообществ способствуют появлению так называемых языковых универсалий, что демонстрирует определенную общность видения мира у народов, пользующихся разными языковыми системами. Термин «универсалии» в лингвистике применим практически ко всем явлениям, при этом большая общность обнаруживается на семантическом уровне. Весь комплекс языков учений детерминирует как «явление широкой синонимии, оставляющей неизменным смысл текстов при основательной вариативности форм». Ю. Найда, говоря о совпадениях между неродственными языками, называл такие общие черты лексической универсальности как наличие номинаций объектов и событий, абстрактной номинации и относительной номинации [5. С. 544]. Еще в начале двадцатого столетия Ш. Балли заявлял о наличии единого общеевропейского менталитета, о чем свидетельствует пересечение языковых картин мира, возникшее в результате процессов заимствования [3]. Обогащение словарей различных языков заимствованиями из других систем можно считать важным фактором появления универсалий и формирования единого мирового сообщества. Однако, как отмечает Н.К. Гарбовский, «универсальность наиболее общих категорий отражения языками картины мира наталкивается на весьма существенную вариативность нюансов, заключенных в концептах, сформировавшихся в различных национальных культурах, связанных с историей и географией народа» [5. С. 322]. Эта мысль находит полное подтверждение при исследовании семантических преобразований заимствованных слов.

Сравнение лексических систем французского и русского языков дает возможность выявить достаточно большой набор сходных по форме единиц. Но, как показывает исследование, выполненное на материале латинских существительных сферы «искусство», заимствованных французской и русской языковыми системами, значение латинизмов претерпевает серьезные изменения в процессе ассимиляции, причем часто данные изменения носят совершенно разный характер в рассматриваемой паре языков. Учитывая сложность семантических отношений между словом-прототипом и заимствованием, подвергнувшимся процессам адаптации, нам кажется предпочтительным для называния сходных по форме лексем двух разных языков использовать термин диалексемы, предложенный В.В. Акуленко [2. С. 135].

Е.Г. Басалаева в своем диссертационном исследовании отмечает, что «изменение тех или иных компонентов лексического значения может быть более или менее регулярным, однотипным» [4. С. 35]. Поэтому лингвистами неоднократно предпринималась попытка описать возможные регулярные виды преобразования семной структуры значения, приводящие к формированию самостоятельного лексического значения [4].

Достаточно подробная классификация видов семантических преобразований представлена в диссертационном исследовании М.В. Москалёвой. Автор выделяет следующие типы трансформационных процессов, затрагивающих семантику заимствования: сужение – переход от общего значения к частному; расширение – переход от частного значения к общему; метафорический перенос – перенос наименований по функциям, в основе которого лежит сходство между объектами; метонимический перенос – перенос наименований по смежности [7].

Основополагающими работами, посвященными раскрытию механизмов формирования переносных значений слова, можно считать труды Д.Н. Шмелева [9], чья типология выглядит следующим образом:

1) регулярные (метонимические) переносы:

– метонимия «как семантико-синтаксическое явление, когда многие слова включаются в процесс метонимизации как особого способа мышления, но не развивают самостоятельного значения»;

– метонимия как «способ образования новых значений».

2) нерегулярные (метафорические) переносы. Метафоризация может достигаться посредством вычеркивания одного из компонентов исходного значения, или посредством замены одного компонента другим при сохранении у исходного и производного значений достаточно большой общей части [9. С. 26].

Принимая во внимание рассмотренные типологии семантической деривации, при изучении специфики семантических преобразований латинизмов лексико-тематической группы «искусство» во французском и русском языках мы будем опираться на концепцию Н.К. Гарбовского. Исследуя отношения межъязыковой асимметрии, которые возникают в результате взаимодействия языков между лексическими единицами, имеющими похожую звуковую или графическую оболочку, ученый предлагает в основу классификации семантических трансформаций положить отношения между объемами понятий. Исходя из этого, выделяются следующие типы отношений между сходными по форме словами, используемыми в разных языковых системах: внеположенность; равнообъемность; подчинение; перекрещивание [5. С. 338].

Внеположенность представляет собой такой вид отношений между понятиями, когда их объемы полностью исключают друг друга. Именно такие отношения существуют между абсолютными межъязыковыми омонимами. Межъязыковые синонимы, или симметричные диалексемы, характеризуются равнообъемностью понятий, такие слова можно рассматривать как полностью эквивалентные. Если в объемы понятий исследуемой пары диалексем входят как общие для обоих понятий предметы, так и различные, следует говорить об отношениях перекрещивания понятий. Отношения подчинения возникают между понятиями, если объем одного понятия полностью поглощается объемом другого [5. С. 400].

Определение состава основного списка исследуемых существительных в латинском, французском и русском языках осуществлялось методом сплошной выборки из соответствующих толковых словарей: *Dictionnaire latin-français par Félix Gaffiot, Le petit Robert, Larousse, Trésor de la langue française*, Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. В ходе сопоставительного семантического анализа заимствований нами практически не были выявлены лексемы, которые бы полностью совпадали по значению со своим латинским прототипом, то есть оказывались бы эквивалентными. Очень близкими по значению, почти равнообъемными, являются только такие пары диалексем как *sculptura – скульптура* и *sculptura – sculpture*. Существительное *sculptura*, пришедшее во французский язык в конце XIV в., в русский – в конце XVII в., является в обеих языковых системах прямым заимствованием. Отношения между латинским и русским понятиями, выраженными соответствующими диалексемами, можно считать, на наш взгляд, почти равнозначными. В латинском языке рассматриваемое

существительное имеет значения 1) резьба, ваяние, скульптура и 2) резная или скульптурная работа; в русском языке – 1) искусство создания объемных или рельефных изображений (статуй, бюстов, барельефов и т.п.) путем лепки, резьбы или отливки; 2) произведение такого вида искусства. Эквивалентность в данном случае нарушается наличием в значении русского существительного семьи «искусство». Во французском языке лексема *sculpture* приобретает дополнительное значение «dessins en relief à la surface d'un pneu destinés à permettre une meilleure adhérence» (рельефный рисунок на поверхности шины, предназначенный для лучшего сцепления), которое естественно появилось уже в 1932 году, когда появились автомобили. Кроме того, как носители русского языка, так и французы осуществляют метонимический перенос, называя скульптурой весь комплекс произведений, выполненных в данной технике и характеризуемых конкретными признаками, свойственными изваяниям определенной эпохи или народа: фр. – «ensemble spécifique d'œuvres sculptées. Sculpture préhistorique, égyptienne, grecque, romaine, ...»; русск. – «совокупность таких произведений». Сравнивая значения указанных пар диалексем, можно констатировать, что наибольшей трансформации подверглось французское существительное *sculpture*, объем значения которого оказался наиболее широким.

Отношения внеположенности также можно считать, скорее, исключением и в русском, и во французском языках. Подобный тип отношений возникает, как правило, в случае косвенного заимствования. Так произошло, например, с семантикой латинского существительного *opera*. В языке-источнике оно имеет следующие значения: 1) работа, труд, дело, старание, деятельность; 2) услуга, помощь; 3) время, досуг 4) рабочий день, дневной труд 5) произведение, изделие. Во французском и русском языках указанные смысловые компоненты отсутствуют. Данный факт может быть обусловлен тем, что соответствующие лексемы *opéra* (фр.) и *опера* (русс.) являются заимствованиями от итальянского слова *opera*, где оно первоначально означало «дело, труд, произведение» и, в свою очередь, было заимствовано из латинского. Но во французский, и в русский язык оно вошло с одним из значений, возникшем в итальянском языковом сообществе: фр. – *œuvre dramatique lyrique entièrement chantée, interprétée avec accompagnement d'orchestre et mêlée éventuellement de ballets* (драматическое лирическое произведение, в котором действующие лица поют в сопровождении оркестра, при необходимости танцуют); русск. – музыкально-драматическое произведение, предназначенное для исполнения в театре, в котором действующие лица поют в сопровождении оркестра. Подобное расхождение в значении в рассматриваемых языках с латинским первоисточником можно объяснить еще и временным фактором. Во французском языке анализируемое существительное появилось в конце XVII в., а в русском – в XVIII в., то есть после того, как в Италии получило распространение искусство оперного пения. Носители французского языка используют существительное *opéra* еще и в значении «chose difficile à réaliser; chose excellente, oeuvre admirable, chef d'oeuvre» (нечто, что трудно реализовать; нечто превосходное, восхитительное; шедевр).

Можно отметить также развитие метонимических значений у французской и русской диалексем: фр. – 1) *genre artistique constitué par les opéras* (жанр оперного искусства); 2) *représentation d'un opéra* (оперное представление); 3) *théâtre où l'on joue des opéras et où sont donnés différents autres spectacles* (театр, где проходят оперные или другие представления); 4) *ensemble des personnes qui interprètent un même répertoire d'opéras, jouent dans un même lieu* (оперные артисты); русск. – 1) совокупность представлений такого жанра, объявленная театром; 2) оперный театр; 3) оперная труппа.

Рассматриваемый тип отношений складывается также между диалексемами *museum* – *музей*. Существительное *музей*, проникшее в российскую среду посредством французского языка в XVIII в., не сохранила значения латинизма «место, посвященное Музам, место учёных занятий, библиотека» и «мозаичная работа».

Проникая из одной языковой системы в другую, лексемы могут развивать и трансформировать свое значение путем приобретения дополнительных сем и значений или, наоборот, путем устранения некоторых из них. В данном случае, можно говорить об отношениях подчинения, возникающих между понятиями, выраженными соответствующими парами диалексем. Как отмечает Н.К. Гарбовский, «определение какого-либо понятия как подчиняющего или подчиненного не носит абсолютный характер и может считаться действительным лишь относительно конкретной пары слов» [5. С. 348]. Данное положение представляется для нашего исследования достаточно важным, так как при добавлении или утрате значений рассматриваемых нами заимствований гипогиперонимические отношения проявляются именно в определенной паре слов. Благодаря проведенному анализу, можно констатировать, что наиболее часто встречающимся типом трансформации является добавление новых смысловых компонентов у латинизмов как во французском, так и в русском языках.

Большинство исследованных нами латинских существительных, которые приобрели дополнительные смысловые компоненты в принимающих языках, являются однозначными, например: *architectūra*, *pathos*, *irōnia*, *epilogue*, *memoriāle* и др. Так, существительное *architectūra*, имеющее в латинском языке значение «зодчество, архитектура», сохраняет архисему «зодчество, строительство» и в рассматриваемых современных языках, однако, в словах *architecture* и *архитектура*, к нему добавляется сема «искусство». Дальнейшее развитие значения происходит за счет добавления следующих компонентов, общих для французского и русского языков: 1) *mode, style de construction* – стиль, характер постройки; 2) *ensemble d'un édifice et de ses caractères architecturaux typiques* – совокупность сооружений, составляющих материально организованную среду (метонимия); 3) *ensemble structuré, organisé, construction* – структура, конфигурация (метафора). Можно отметить, что все перечисленные переносные значения являются результатом переосмысления признаков, отраженных архисемой «зодчество». Интересным, на наш взгляд, является тот факт, что данная пара диалексем прошла одинаковый путь семантической трансформации, несмотря на то, что во французском языке заимствование является прямым (XV в. – *archisseture* «*art de construire des édifices*»), а в русский оно попало из польского языка в начале XVIII в.

Увеличение объема понятия в процессе заимствования было выявлено нами и у полисемичных латинских лексем *poëma*, *poësis*, *theatrum*, *expositio*, *pictura* и др. Если сравнивать семантику пар диалексем *theatrum* – *théâtre* и *theatrum* – *театр*, можно обнаружить, что появление дополнительных элементов у латинского заимствования произошло только во французском языке. Лексема *théâtre* в полном объеме сохранила смысл своего латинского прототипа, имея следующие компоненты: 1) *édifice destiné à la représentation de pièces, de spectacles dramatiques; le spectacle lui-même* / лат. «театр (здание)»; 2) *emplacement où se produisent les acteurs, synon. scène* / лат. «сцена»; 3) *cadre particulier et généralement bien en vue, dans lequel se déroulent certains événements* / лат. «место действия, поле деятельности»; 4) *endroit où les acteurs donnent une représentation; spectacle, divertissement présenté au public dans cet endroit* (метон.) / лат. «зрительный зал»; 5) *ensemble des spectateurs d'une représentation théâtrale* (метонимия) / лат. «зрители, публика (в театре) или слушатели». Такая семантическая близость объясняется, с нашей точки зрения, достаточно ранним заимствованием, осуществленным еще в начале XIII в. Но со временем носители французского языка начали употреблять рассматриваемое слово и в других значениях: 1) *ensemble des décors destinés à évoquer le lieu où se déroule l'action dramatique* (метонимия) (декорации, на фоне которых разворачивается театральное действие); 2) *ensemble du personnel (artistes, techniciens, administrateur(s), directeur, etc.) généralement attaché à une sale de spectacle* (метонимия) (весь штат сотрудников театра (артисты, технические работники, администрация, дирекция); 3) *art dont le but est de produire des représentations devant un public* (вид искусства, который заключается в

разыгрывании представлений перед публикой); 4) ensemble des œuvres dramatiques d'un auteur ou d'une époque (метон.) (совокупность драматических произведений определенного автора, определенной эпохи); 5) construction, emplacement aménagé pour offrir des spectacles de nature diverse, avec ou sans acteurs (метафора) (место, предназначенное для проведения разнообразных шоу с актерами или без); 6) attitude artificielle, outrée (метафора) (неестественное поведение, наигранность). Можно отметить, что семантическая ассимиляция в данном случае связана, прежде всего, с образным или метонимическим переосмыслением соответствующего понятия. При этом благодаря последнему переносному значению у лексемы *théâtre* появляется отрицательный коннотативный компонент. В русском языке слово *театр*, заимствованное из французского в XVII в., подверглось несколько иным семантическим трансформациям, которые привели к отношениям перекрещивания между понятиями, выраженными диалексемами *theatrum* и *театр*. Похожую картину можно наблюдать и при анализе процесса семантической деривации существительных *poëma* 1) поэма, стихотворение; 2) поэзия) и *expositio* 1) подкидывание ребенка; 2) изложение, описание. Во французском и в русском языках заимствование *poëma* употребляется еще и в следующих значениях: 1) composition instrumentale de forme libre illustrant un sujet poétique / музыкальное произведение, имеющее поэтически-образное содержание; 2) ouvrage en prose analogue à un poème par son inspiration, son fond, sa structure, son style / название крупных произведений в стихах или прозе, отличающихся глубиной содержания и широким охватом событий. Но такие метафорические компоненты как «œuvre d'art non littéraire qui suscite une émotion comparable à celle que provoque la poésie» (нелитературное произведение искусства, вызывающее такие же эмоции, что и поэзия); «un modèle de» (образец); «à propos d'une personne ou d'une chose extravagante, baroque, bizarre ou ridicule» (по отношению к человеку или вещи, которые выглядят экстравагантными, странными или смешными) в русском языке отсутствуют. Фамильярное употребление существительного *poëme* по отношению к экстравагантному, странному или смешному человеку, или странной вещи придает рассматриваемому слову отрицательный оттенок. Русское существительное, приобретая совсем иное значение, характеризуемое как положительное (что-либо, что поражает своею красотой, величием, достоинствами), утратило смысловые элементы латинского прототипа «стихотворение» и «поэзия». Поэтому, как и в предыдущем случае, можно считать, что между понятиями, выраженными лексической единицей *poëma* – поэма, существуют отношения не подчинения, а перекрещивания.

Латинское существительное *poësis*, которое во французском и русском языках приобрело соответствующие формы *poésie* и поэзия, сохранило в принимающих языках оба своих значения «поэзия как жанр» и «поэтическое искусство». При дальнейшем расширении объема данного понятия мы наблюдаем те же закономерности, которые были отмечены выше. Во-первых, добавление новых смысловых компонентов происходит за счет метафорического и метонимического переосмысления понятия. Во-вторых, русский вариант слова имеет практически тот же набор значений, что и французское существительное, так как для русского языка источником послужил французский, откуда лексема «поэзия» была заимствована в XVIII в. И во французском, и в русском языках рассматриваемое существительное было дополнено следующими значениями, сравним: 1) pièce de vers relativement courte / стихи (метонимия); 2) caractère poétique / поэтический характер (поэзия стиля, поэзия романа) (метонимия); 3) c'est du rêve, c'est un idéal malheureusement inaccessible; ce sont de fausses imaginations / область воображаемого, мир фантазии; то, что действует на воображение (метафора); 4) art des vers particulier à un poète, à une nation, à une époque / совокупность стихотворных произведений какого-либо народа, какой-либо эпохи, общественной группы и т.п. (метонимия); 5) charme, émotion / изящество, очарование чего-либо, глубоко воздействующее на чувства и воображение (метафора). В данном случае можно опять констатировать появление отрицательного

коннотативного компонента во французском языке, связанного с употреблением рассматриваемого существительного в значении «мечта, недостижимый идеал, ложные представления». И в русском, и во французском языках присутствует положительная оценка в одном из значений диалексем *poésie* и *поэзия* (*charme, émotion / изящество, очарование чего-либо, глубоко воздействующее на чувства и воображение*).

Реже можно наблюдать процессы семантической адаптации, приводящие к сужению значения заимствования в принимающем языке, причем, для русского языка сокращение смысловых элементов более характерно. Подобным трансформациям в русском языке подверглись такие лексические единицы как *auctor, traditio, genus, fabula*. Например, латинское существительное *auctor* имеет следующие значения: 1) основатель; создатель, творец или виновник; 2) податель, даритель; 3) писатель, автор; 4) поборник, сторонник; 5) вдохновитель; 6) общепризнанный знаток и судья, поручитель, удостоверяющее (подтверждающее) лицо, авторитет; 7) гарант, поручитель; 8) свидетель, опекун; 9) руководитель; 10) представитель, агент. В русском языке сохранились только три смысловых компонента: «создатель какого-либо произведения (музыкального, научного и т.п.)», «изобретатель», «писатель». Такая внушительная «потеря», возможно, связана с достаточно извилистым путем проникновения данного слова на русскую почву. Имея латинские корни, в русский язык слово «автор» проникло из немецкого через польский язык.

Не только в русском, но и во французском языке количество смысловых элементов сократилось у заимствованных лексем *genus* и *fabula*. Рассмотрим диалексемы *fabula – fable* и *fabula – фабула*. В обоих современных языках заимствование является прямым, но разница заключается в том, что во французской среде оно начало использоваться в начале XII в., а в русской – только в XVIII в. В результате семантической трансформации французская лексема из семи значений латинского прототипа сохранила четыре: 1) *se qui sert de matière, de sujet à un récit* (то, что служит материалом, сюжетом повествования); 2) *sujet de conversations souvent ironiques ou défavorables concernant les faits et gestes d'une personne* (предмет разговоров, часто имеющих ироничный или недоброжелательный характер по отношению к каким-либо фактам или действиям человека); 3) *légende relative aux origines des religions, à l'histoire des peuples, etc.; court récit allégorique, le plus souvent en vers, qui sert d'illustration à une vérité morale* (легенда религиозного или исторического содержания; короткий аллегорический рассказ, чаще всего в стихах иносказание, предание); 4) *allégation fausse, récit mensonger / небылица, басня, выдумка*. Утеряны были следующие компоненты смысла: 1) беседа, собеседование, разговор; 2) драматическое произведение, пьеса; 3) пустой звук, ничто, небытие. Русское существительное *фабула* однозначно и указывает на «сюжетную схему событий, поступков героев и т. п. в художественном произведении».

Как показывает исследование, большинство рассматриваемых нами латинских существительных полисемичны, то есть многозначны, и французские и русские эквиваленты могут почти полностью сохранять такую многозначность. Однако их семантические компоненты оказываются не всегда идентичными набору сем слов-источников. Согласно данным, полученным в результате проведенного анализа, самым распространенным типом семантической адаптации латинизмов во французском и русском языках можно считать потерю некоторых смыслов при одновременном приобретении новых значений. В этом случае, согласно принятой нами классификации Н.К. Гарбовского, следует говорить об отношениях переkreщивания между понятиями, выраженными соответствующими диалексемами.

Данный вид отношений возникает во французском языке между понятиями, которые передаются следующими парами слов: *auctor – auteur; imago – image; monumentum – monument; circus – cirque; traditio – tradition; ornamentum – ornament; stilus – style; satura – satire; musica – musique; museum – musée; scaena – scène; illusio – illusion;*

compositio – *composition* и др., в русском языке – между диалексемами *forma* – форма; *novella* – новелла; *monumentum* – монумент; *circus* – цирк; *ornamentum* – орнамент; *stilus* – стиль; *satura* – сатура; *musica* – музыка; *scaena* – сцена; *theatrum* – театр; *poëma* – поэма; *compositio* – композиция и др.

Например, существительное *satura* в латинском языке имеет два макрокомпонента: 1) блюдо с различными плодами, смесь, всякая всячина; 2) стихотворное произведение нравственно-назидательного и обличительного содержания. При заимствовании во французском и русском языках сохранилось только второе значение, дифференциальные семы которого, однако, претерпели значительные изменения. Во французском языке у существительного *satire* появились такие дополнительные элементы как «en prose (в прозе)», «tournant en ridicule (высмеивая)»: «œuvre en prose et en vers (mètres mêlés ou uniformes) attaquant et tournant en ridicule les mœurs de l'époque». Семы «нравственно-назидательный» и «обличительный» отсутствуют. В русском языке новой дифференциальной семой можно считать компонент «осмеивающий»: «произведение, осмеивающее какой-либо порок, недостаток». Таким образом, в обоих современных языках мы видим сохранение архисем «произведение» и «порок, недостаток» (данный компонент присутствует в латинском прототипе имплицитно, так как предполагается, что обличать можно именно пороки, недостатки), именно в этой зоне наблюдается совпадение во всех трех языках. Зоны несовпадения для русского и французского языков, с одной стороны, и для латинского, с другой стороны, находятся в пределах латинского понятия «блюдо с различными плодами, смесь, всякая всячина» и в пределах понятий, выражаемых существительными *satura* и *satire*, «toute œuvre écrite, chantée, peinte, tout propos comportant une raillerie, une critique virulente / произведение искусства, в котором резко, шаржированно изображаются, обличаются отрицательные явления действительности», «le genre satirique / сатирический жанр», «parole mordante et railleuse / злая насмешка, резкое обличение». Все эти значения возникли на основе архисемы «обличение, критика». Дифференциальная сема «высмеивание» привела к появлению метафорического значения в русском языке «смешное подобие чего-либо; карикатура, пародия». Данный компонент присутствует и в языковом сознании носителей французского языка, но реализуется он, согласно лексикографическим данным, только в выражении «ma/sa conduite est la satire de la sienne/de la vôtre (мое/его поведение – пародия на его/ваше)». Семантическое подобие русского и французского существительных, как и в рассмотренных выше случаях, объясняется происхождением русского слова, заимствованного из французского языка в XVIII в.

В результате проведенного анализа, можно сделать вывод, что большинство исследуемых латинских лексем многозначно, и французский язык, как правило, в большей степени стремится сохранить весь набор значений латинского прототипа. В русском языке чаще наблюдается потеря семантических компонентов. Подобную разницу в семантических объемах русских и французских существительных по отношению к соответствующим латинским лексемам можно, на наш взгляд, объяснить тем, что источником возникновения французского языка явилась вульгарная латынь, поэтому французская языковая система во многом копировала семантику исходных слов. Большинство же латинизмов в русском языке являются опосредованными заимствованиями, пришедшими из польского, немецкого или французского языков. При этом лексемы, заимствованные из французского языка, обычно почти полностью эквивалентны французским аналогам. Если же заимствование осуществлялось через польский или немецкий языки, набор сем и значений русского слова оказывается более схожим с семантической структурой латинского существительного, нежели с семантикой французского.

Согласно проведенному исследованию, можно также констатировать, что степень семантической близости к латинскому слову-источнику зависит от времени

заимствования. Чем раньше слово приходит в принимающий язык, тем больше семантических макро- и микрокомпонентов оно сохраняет. Достаточно часто в русской языковой среде появлялись значения или семы, несвойственные аналогичным латинизмам в других языках. Это можно объяснить тем, что в силу лингвистических, культурно-исторических, географических, социальных причин русские лексические единицы функционировали иначе и семантически отдалялись как от производных латинских, так и от французских лексем. Появление новых значений в обеих языковых системах осуществляется, как правило, за счет метафорического и метонимического переносов. Метафорические значения часто включают в себе коннотативные компоненты, отражающие оценочное отношение. Следует отметить, что в русском языке одно и то же заимствование может выражать как отрицательную, так и положительную оценку, во французском чаще присутствует негативный оценочный компонент.

Список литературы

References

1. Агеева Ю.В. 1997. Семантическая деривация в русском языке новейшего периода (на материале адъективной лексики). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 17 с.
Ageeva Yu.V. 1997. Semanticheskaya derivaciya v russkom yazyke novejshego perioda (na materiale ad'ektivnoj leksiki). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 17 s.
2. Акуленко В.В. 1972. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, Изд-во Харьковского ун-та, 215.
Akulenko V.V. 1972. Voprosy internacionalizacii slovarnogo sostava yazyka. Har'kov, Izd-vo Har'kovskogo un-ta, 215.
3. Балли Ш. 1955. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 416.
Balli SH. 1955. Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka. M.: Izd-vo inostrannoj literatury, 416.
4. Басалаева Е.Г. 2004. Семантическая деривация и особенности текстовой реализации слов латинского происхождения в современном русском языке (на материале газетных публикаций). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 39 с.
Basalaeva E.G. 2004. Semanticheskaya derivaciya i osobennosti tekstovoj realizacii slov latinskogo proiskhozhdeniya v sovremennom russkom yazyke (na materiale gazetnyh publikacij). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 39 s.
5. Гарбовский Н.К. 2007. Теория перевода: Учебник. – 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 544.
Garbovskij N.K. 2007. Teoriya perevoda: Uchebnik. – 2-e izd. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 544.
6. Гудавичюс А. 1985. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс, 175.
Gudavichyus A. 1985. Sopotavitel'naya semasiologiya litovskogo i russkogo yazykov. Vil'nyus, 175.
7. Москалёва М.В. 2009. Семантическая деривация имён существительных в современном русском языке второй половины 20 - начала 21 вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 27 с.
Moskalyova M.V. 2009. Semanticheskaya derivaciya imyon sushchestvitel'nyh v sovremennom russkom yazyke vtoroj poloviny 20 - nachala 21 vv. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 27 s.
8. Прохорова В.Н. 1980. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке. Лекции по спецкурсу. М.: Изд-во Моск. ун-та, 87 с.
Prohorova V.N. 1980. Polisemiya i leksiko-semanticheskij sposob slovoobrazovaniya v sovremennom russkom yazyke. Lekcii po speckursu. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 87 s.
9. Шмелев Д. Н. 1973. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, с. 190–258.
Shmelev D. N. 1973. Problemy semanticheskogo analiza leksiki. M.: Nauka, s. 190–258.